

СЕВЕРНЫЙ ПОЧЕРК

Nordic Ways. Ed. by A.Simonyi, D.Cagan. – Washington D.C.: Center for Transatlantic Relations, 2016. 340 p.

Пятерка североευропейских стран – Дания, Швеция, Норвегия, Исландия и Финляндия – систематически занимает высшие позиции в мире по макроэкономическим и социальным параметрам, по уровню и качеству жизни. По этим параметрам данные государства служат завидным эталоном даже для других западных стран. В этом плане показательно, что мировой экономический форум в Давосе в 2011 г. специально посвятил, одну из своих сессий разным аспектам «северной модели».

Настоящая монография состоит из восьми тематических разделов, которые объединяют 45 глав. В каждом разделе ведется изучение какой-то одной важной стороны североευропейской действительности. Как подчеркивается во введении, северные страны не представляют собой какого-то замкнутого сообщества государств, изолированного от внешних вызовов. Напротив, хотя субрегион по большей части окружен океанами и морями, он имеет общие границы с Россией и Германией – двумя исторически доминирующими державами в континентальной Европе (р. xxxii).

В то же время роль и значение северных стран, как убедительно показывает, например, У.Свердруп – директор Норвежского института внешней политики (NUPI) – неизменно повышается. По его мнению, это происходит, во-первых, из-за их близкого расположения к набирающей силу России и странам Балтии, во-вторых, вследствие растущих рисков процессов дезинтеграции или фрагментации ЕС, усиливающейся в Европе «правой волны», возможной смены общеевропейского порядка, а в-третьих, в результате немаловажного вклада северных стран в сохранение порядка в глобальной экономике и в поддержание мировых обменов и коммуникаций. Хотя в субрегионе проживает всего около 27 млн. человек (0,3% населения планеты), которые производят 2% мирового ВВП, их национальные хозяйства в целом занимают 12-е место (сразу же за Индией и Россией, но впереди Южной Кореи и Испании) среди крупнейших экономик мира (р. 188-189).

Тем самым они вполне обоснованно могли бы претендовать на постоянное представительство в составе «Большой двадцатки».

Хотя пять северных стран обладают специфическими национальными характеристиками, они больше «похожи на одну семью», подчеркивает Б.Хордер, – многолетний министр в датских левоцентристских правительствах и депутат фолькетинга (парламента). «Северное сотрудничество – одно из старейших и наиболее развитых форм среди существующих субрегиональных коопераций, – продолжает эту мысль У.Олин, видный деятель Шведской социал-демократической рабочей партии (СДРПШ). Северная интеграция, по его суждению, основана на общих ценностях и «делает всех нас сильнее» (р. 3).

Северная интеграция и субрегиональное сотрудничество развиваются на многих уровнях и во многих конкретных областях. Для укрепления региональной сплоченности важную роль играет, безусловно, собственная экономика, плотные, интенсивные обмены, интеграция. Так, почти четверть экспорта Швеции (24% в 2015 г.) приходилась на северные страны, а экспорт только в одну Норвегию составил 10,3% – в то время, как, например, на все страны БРИКС (Бразилию, Индию, Китай, Россию и Южную Африку) приходится лишь 7,2%.

Цивилизационно-ценностный базис северного единства составляет совместное историческое прошлое скандинавских народов (в рамках Кальмарской унии королевств Дании, Норвегии и Швеции под верховной властью датских монархов с 1397 до 1523 г.), их этноязыковая близость, ментально-психологическое родство, схожая фольклорно-литературная идентичность (мифология, эпос «Эдда» и т. п.). Сразу же после окончания Второй мировой войны, как отмечает В.Финнбогадоттир – президент Исландии в 1980–1996 гг., северянам удалось предпринять удачную попытку реализации субрегионального единства – создать межпарламентский Северный Союз в 1952 г., а с 1971 г. Совет министров Северных стран. Северные страны не обладают масштабными запасами природных ресурсов (исключение может составлять только Норвегия ввиду открытия углеводородного сырья на морском шельфе в конце 1960-х гг.) или многочисленным населением. Тем не менее, за счет тщательно продуманной и социально ориентированной макроэкономической политики они добились значительного повышения благосостояния населения, всеобщей занятости, социально-политической стабильности.

«Северная (шведская) модель» как особая категория не имеет однозначного толкования. Её классические формы, наивысшие социально-экономические показатели были достигнуты в 1960-х – 1980-х гг., а в последующие годы произошло относительное снижение ключевых показателей. В самом широком смысле «северная (шведская) модель» – это достаточно широкий комплекс социально-экономических и социально-политических реалий. Некоторые эксперты, как например, профессор экономики Стокгольмского университета М.Пальме, сын известного премьер-министра (в 1969–1976 и 1982–1986 гг.) У.Пальме, продолжают отмечать, что оптимальный смешанный характер северной экономики состоит в том, что она умело сочетает рыночные отношения и государственное регулирование, при преобладании частной собственности в сфере производства и обобществлении потребления (р. 63–66). Другие специалисты обращают внимание на специфику промышленной политики, курса в отношении предпринимателей и национального бизнеса, гармоничные отношения между трудом и капиталом. Эти темы, в частности, раскрывает С.Томсен – профессор Копенгагенской бизнес-школы. Он обосновывает тезис об особом типе образования и концентрации

местного частного капитала (который приближен к модели семейного типа, р. 81-87).

Третья группа авторов считает, что определяющим для «модели» стало доминирование общественных целей: полной занятости и выравнивания доходов, что достигается путем приоритетного выравнивания в методах социально-экономической политики. К.Дубвад (гендиректор Конфедерации датской промышленности), И.Паананен (гендиректор «Суперселл» – финской интернет-компании), К.С.Людн (гендиректор Конфедерации норвежских предпринимателей) обращаются к такой важной на протяжении многих десятилетий части социальной практики стран субрегиона, как централизованная система переговоров о заключении коллективных договоров в области заработной платы. В этом процессе участвуют мощные национальные профорганизации и союзы предпринимателей, причем политика профсоюзов, как правило, основывается на принципах солидарности между различными группами трудящихся (р. 167–186).

Ряд серьезных экспертов склонны связывать «северную модель» исключительно с важностью социальной сферы. Так, К.Юттестрём, политический репортер и гендиректор Шведского общественного телевидения (2001–2006 гг.) обращает внимание на сокращение имущественного расслоения и неравенства за счет перераспределения национального дохода в пользу наименее обеспеченных слоев населения (р. 57–62).

Лидер Норвежской рабочей партии (НРП) Й.Г.Стёре (а после очередных парламентских выборов в сентябре 2017 г. – лидер оппозиции) отмечает, что «северная модель» – предмет пристальной заботы, внимания и практической деятельности субрегиональной организации Северных социал-демократических партий и конфедераций профсоюзов (р. 19–20). Среди причин повышения роли и значимости «государства всеобщего благосостояния» Й.Г.Стёре выделяет повседневную демократию, политику доходов, систему высокого налогообложения, социальную защищенность, «партнёрство в конфликтах» и трёхстороннюю кооперацию, солидарную систему заработной платы (р. 21–23).

Говоря о перспективах будущего развития северной модели, Стёре выступает за поиск нового баланса в отношениях между тремя компонентами: (1) правительственной макроэкономической политикой, (2) организованной рабочей силой и (3) современным социальным государством (р. 23). С ним категорически не соглашается К.Бильдт – экс-премьер-министр (1991–1994 гг.), министр иностранных дел Швеции (2006–2014 гг.), лидер буржуазной Умеренной коалиционной партии Швеции (1986–1999 гг.). Он считает, что интегрированной, общей «северной модели», по сути, нет, а значительные национальные различия между пятью северными странами фактически её дезавуируют (р. 25–28). Такой подход игнорирует особую историческую роль государства в странах этого регионе. Хотя в руках последнего на современном этапе находится, как правило, 3-4% основных фондов, доля государственных расходов, например, в 1980-е гг. находилась на уровне 60–70% ВВП, причем более половины ВВП направлялось на социальные цели. Естественно, такой результат может быть стабильно допустим только в условиях высокой нормы налогообложения.

Депутат фолькетинга Дании от Консервативной народной партии в 1984-2015 гг. П.С.Мёллер подчеркнул, что, например, нынешнее благополучие данной группы стран, эффективность «северной модели» связаны с особой субрегиональной социально-психологической атмосферой – «северностью». Эта особая категория является, по его суждению, результатом синтеза, особым превращением природно-климатических, этносоциальных, геополитических, и иных

факторов в некую специфическую группу детерминантов и мультипликаторов, которые комплексно позитивно взаимодействуя, влияют на сближение стран субрегиона (р. 29–34).

Тема «северности» понимается авторами по-разному. Одни эксперты главным образом связывают успех «модели» с пресловутой «протестантской этикой»; другие – с культурной, этнической, религиозной гомогенностью скандинавских обществ; третьи указывают на уникальную социальную терпимость и непробиваемо прочную толерантность; четвертые отмечают исключительность уникальной ситуации в маленьких странах с высокой степенью позитивного социального капитала и развитым гражданским обществом. Ряд экспертов склонны считать, что в данном случае имеет место преимущественное влияние суровых природно-климатических условий на формирование исторических социальных отношений у населения стран субрегиона (как и России).¹ Так, П.С.Мёллер называет в качестве «особых» черт северян такие, например, их свойства, как коллективизм, стойкость, физическую закалку, верность слову. Но все эти качества весьма затруднительно верифицировать, «северных духом», северным характером. Так что тут, пожалуй, не следовало бы торопиться с окончательными и жесткими выводами.

Резюмируя, подчеркнем: в современном мире идет напряженный поиск более гуманистического пути развития, который бы позволил как избежать провалов либерально-капиталистического мейнстрима, так и уйти от опасностей социальных экспериментов авторитарно-бюрократических режимов. Одним из возможных решений в рамках макроподхода *третьего пути* (р. 189) и может стать, по мнению ряда авторов монографии, пример субрегионального взаимодействия в северной Европе, опора на ценностно-цивилизационные конструкторы этой уникальной «северности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В этом отношении любопытна книга норвежца Л.Миттинга (Норвежский лес: скандинавский путь к силе и свободе [пер. с норв. А.В.Гусаровой]. – М.: Издательство «Э», 2017. 320 с.) в которой, помимо прочего, отражена особая философия нордических народов, связанная с дровами. Автор, опираясь на передающиеся из поколения в поколение опыт тех, кто рубит дрова, и тех, кто отапливает, рассказал о целом пласте народной жизни и национального характера.